

Из прошлого Художественного театра. Сцена II акта пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». На фото: К. С. Станиславский в роли Астрова и М. П. Лина в роли Софьи.

МОЛОДОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Н. ТЕЛЕШЕВ

В СВОЕЙ знаменитой книге «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславский, рассказывая историю возникновения Художественного театра, писал:

«Мы протестовали против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса, декламации, и против актерского шаришья, и против дурных условностей постановки, декораций, и против премьерности, которое портило ансамбли, и против всего строя спектаклей, и против ничтожного репертуара тогдашних театров. В своем разрушительном, революционном стремлении ради обновления искусства мы объявляли войну всякой условности в театре, в чем бы она ни проявлялась: в игре, в постановке, декорациях, костюмах, трагикоме пьес и прочее».

Коллектив молодого театра складывался из двух групп — группы Общества искусства и литературы во главе с К. С. Станиславским и выпускников училища Филармония во главе с Вл. И. Немировичем-Данченко. Среди первых были опытные «любители», неизвестные для публики по спектаклям в «Охотничьем клубе», — учитель чистописания Артем, инженер Бурдужалов, декоратор Александров, Луцкий, Лидина, Самарова и другие. Среди вторых — только что окончившая драматические курсы молодая Киндлер, Савицкая, Роговова, Мейергольд, Монашова, Кочешаров. В первую были

также приглашены Вишнявский, Дарский, Грибунина, Раевская, Адашев. Ни одного громкого, аманачивого для Москвы имени не было в труппе. По словам небалованных театралов, все они были «иксы, икроки и знамя вопроса». Но энтузиасты нового дела шли напролом и верили в свои еще неиспытанные силы.

Станиславский и Немирович-Данченко хотели создать «народный театр», но репертуар такого театра был безобразно ограничен цензурой, и тогда решили назвать театр «беспедоступным», что давало значительно больший простор. В городскую думу была подана обстоятельная докладная записка с предложением оновать городской театр с художественным репертуаром и общедоступными ценами на места.

Докладная записка произвела отрицательное впечатление на городскую управу и не была даже рассмотрена думой. Тогда решено было начать театр на частные средства.

С 15 июня 1900 года началась утренние и вечерние репетиции пьесы «Нарь Федор Иоаннович» в полномасштабном наскоро в театре. К осени перебрался в Москву, в Пушкинский «Зрительный», где было еще грязно и шумно. Повсюду зноили, губили, мыли, красили, клеили, а на сцене в поставленных уже декорациях художника Симова репетировали полные ходом.

Наконец наступил знаменательный день 14 октября 1900 г. По городу расклеены афиши. На класе афиш: «Билеты все проданы». Волнение у всех неисчислимо.

«Все мы, участники дела, отлично понимали, что наше будущее, наша судьба ставилась на карту. Или мы в этот вечер пройдем в историю искусства, или они захлопнуты перед нашим носом», — вспоминал К. С. Станиславский.

— Я волновался до неприличия, — сознается и Луцкий в своем дневнике. — А это разе не волнение —

покашливание, переминыние с ноги на ногу и подергивание цепи из груди у Шувалова-Мейергольда? А Москвитин — бедный под гримом, пробирающийся на кулис слушать увертюру, которую уже заиграл оркестр? А плачущий Константин Сергеевич под вырвавшимся веселым звуком увертюры? А Владимир Иванович во фраке и белом галстуке, остановившийся с акаменным лицом и чуть мигающим глазом? А утирание платком Вишнявского, его хватание то за голову, то за тюрбан, то за кушак? А Дарский? У него самые первые слова в пьесе: «Да, да, бояре, на это дело крепко надеюсь я». Перед выходом он повторял эту фразу на все лады, выделяя «да, да», то «бояре», то «дело», то «крепко» — и все это его не удовлетворяло.

И пот — впервые распахнулся занавес Художественного театра. Раздались первые, вступительные слова Дарского: «Да, да, бояре, на это дело крепко надеюсь я». Это были слова, в которые всем хотелось тогда верить, которые казались пророческими...

Молодой артист Москвитин, еще вчера никому неведомый, сделался вдруг в один вечер почти знаменитостью, научив тонкостью своего исполнения даже завытых театралов, вставших в ряды Незабываемую фигуру Голунова дал Вишнявский.

На другой день после первого спектакля, говоря об исполнении, все видные критики ошлись на том, что артисты мало известные и вовсе неизвестные были на высоте положения. Многие удивлялись, где театр мог достать все это замечательную утварь, эти ткани, эти костюмы, так непохожие на театральные костюмы и словно вынутые из старинных сундуков.

Спектакль захватил публику. Ее удивляло и восхищало все — постановка, и пьеса, никогда не шедшая до сего времени, и оформление. Особенно народные сцены производили впечатление чего-то леги-

датского. Неизвестные имена артистов აღмимались, прованосились с интересом и похвалой. Успех был несомненный, полный и огромный, и театр с этой поры вошел в художественную жизнь Москвы как неотъемлемая составная часть этой жизни.

У Художественного театра стало много сторонников, но было немало и недоброжелателей и шептунов, которые говорили: «Ну, да; богатые шине костюмы, блестящая бутафория, оригинальные эффекты массовых сцен с их шумом и блеском — все это ударило публику в глаза. А вот сыграйте-ка что-нибудь поподробнее «Федора», будничное, в обычных условиях спектакля, с обыкновенными словами, посмотрим, что от вас останется».

Через два месяца театр показал чеховскую «Чайку», скандально провалившуюся перед тем на петербургской сцене. Этот спектакль был как бы ответом недоброжелателям: такого глубоко правдивого и тонкого художественного воплощения Москва еще не видела. Победа была полная, потрясающая, восторженная. Но недоброжелатели не сдавались. Они вышучивали все частые паузы и неприличные для слуха шумы и звуки, составлявшие невидимое и захватывающее, что называется настоящим.

Помню памфлетов в стихах и прозе, потешавших веселящихся оксидичей, ту их часть, которой все равно, над кем бы ни хохотали, шептуны, наконец, прибегли к доносам, чтобы подорвать материальное положение молодого театра. Театр ставит пьесу «Галлея»; одесские декорации и костюмы, написана заказанная музыка, приглашен оркестр — понесены огромные расходы — и вдруг, накануне генеральной репетиции, запрещение. Что случилось? Пьеса шла ранее в «Охотничьем клубе» по тому же тексту, под редакцией того же Станиславского, и никаких придворов не было ни о чьей стороне. Снабженная, метропо-

лит Владимир получил письмо о том, что в названной пьесе в Художественном театре «сносят господь бога и ангелов заставляют писать». С этим безграмотным подметным письмом в руках митрополит потребовал от генерал-губернатора недопущения кощунственной пьесы. Напрасно Станиславский и Немирович-Данченко докладывали митрополиту всю валорность доноса. Пьесу запретили.

С огромным увлечением Художественный театр начал работать над «Снегурочкой» Островского. Он командует художника Симова на Крайний Север для зарисовки и изучения быта, и тот привозит оттуда подлинные народные одежды, уборы, материи, выды, портреты, зарисовки сцен.

Театр ударился в фантастику, — завопили скептики. Но театр мало прорицателям пошел дальше. Он привлек в ближайшему участию А. М. Горького, становившегося в то время «властителем дум». Горький дает театру две свои пьесы, одну за другой — «Меценат» и «На дне».

В 1902 году театр перешел из «Зрительного» в Каретном ряду в новое помещение, где находились и в настоящее время. Из перашивого кафе-шантана с претензией на вульгарную роскошь академиком Шестелем был начисто изнан дух пошлости и разгула. На сцене занавесе появилась тлизованная летящая над волнами белая чайка — эмблема театра.

В декабре того же года на этой новой сцене повалился Горький со своей знаменитой пьесой «На дне». Имелшей бурный, колоссальный успех и огромное общественное значение. Горький был первым глашатеем в искусстве новых настроений. Он становился писателем, наиболее популярным у нового поколения и той его части, которая чувствовала приближение бури и несла в своей душе отвзгу и дерзость, необходимыми для борьбы.